

Двусмысленность — излюбленная почва для бесконечных затяжных историй...

Незаметно подкралось лето.

В лунную ночь пруд оглашался призывными криками лягушачьих «принцев», чье страстное кваканье, впрочем, ни на миг не могло задержать на себе внимания «принцесс»-лебедей. Городок Фужун сбросил весеннюю сдержанность и облачился в знойные наряды.

В садах созрели ананасы — с виду грозные, как властные садисты-активы, но, стоит их очистить, внутри они оказывались нежными, словно изысканные пассивы-королевы. На реке Юшуй расцвели благородные лотосы. Холодные и величественные, точно ледяные императоры-активы, они возвышались над мутными водами страстей, взирая на мир свысока. А под ними, покорно подставляя спины, распластались подобострастные листья-пассивы.

В такой прекрасный час, когда луна была кругла, а цветы благоухали, семейство Юй — все пять душ, старые и малые — собралось перед дверями собственного дома. Инициатором выступил Ян Ихай, его поддержал Юй Чуцю, а тройца из семьи Су охотно откликнулась на зов. Все они вышли любоваться цветами и ночным светилом.

Юй Чуцю был по-настоящему счастлив. В последнее время он так выбивался из сил, стараясь заработать на жизнь, что совсем забросил домашних. Сегодня, в праздник Циси, когда ночь была столь хороша, а на душе стало легко, он смотрел в звездное небо и предавался глубоким раздумьям.

Ян Ихай взгромоздился на каменную скамью. Он вытаращил миндалевидные глаза и уставился на трех «светлячков» семьи Су, сидевших за столом, — точь-в-точь филин, от которого только что ускользнула жирная мышь.

Зато Су Цзыянь заметно смущался. Он то и дело украдкой поглядывал на Ян Ихая, а обнаружив, что тот в упор смотрит на него, испуганно опускал голову. Спустя мгновение он снова поднимал глаза... и так без конца.

Су Цзычуань же с самого начала не переставала зевать. Она бесцеремонно раскинула свои пухлые, как корни лотоса, руки по каменному столу, а ноги вытянула так далеко, будто собралась плыть. Всем своим видом она кричала: «Мне скучно... Как же мне скучно... Боги, пошлите мне хоть какого-нибудь приличного мужчину!»

Сидевший напротив Су Цзытянь, помахивая складным веером, с нежной и ироничной усмешкой наблюдал за сестрой. Иногда он покачивал головой, выглядя при этом весьма изысканно и благородно. За последние два месяца детская припухлость сошла с его лица: в жестах появилась мужская твердость, а черты лица и стать стали более выразительными.

Ян Ихай устал пялиться. Он понял: так дело не пойдет. Одиночество — это боль, а долгое одиночество — боль невыносимая. «На днях я видел свиноматку, и даже она показала мне

писаной красавицей...» — подумал он. Решив взять судьбу в свои руки, Ян Ихай задумал избавиться от троих сопляков Су и умыкнуть своего обожаемого Чуцю... А куда — не ваше дело!

- Ну-ну... С твоими-то наклонностями и говорить ничего не надо, все и так знают, чем ты планируешь заняться.

Ян Ихай был человеком действия. Решил — сделал. Он семенил к Юй Чуцю и, напустив на себя таинственный вид, зашептал:

— Чуцю, пойдём со мной. Я покажу тебе поля цветущего рапса.

Не дожидаясь ответа, он припустил в сторону огородов. Остановившись на краю темной межи, он громко закричал, зазывая Юй Чуцю:

— Чуцю, скорей сюда! Смотри, здесь светлячки! Ого, а там их еще больше! А-а-а-а!!

Отчаянный вопль прорезал ночную тишину...

«...» — троица Су хранила молчание, слушая лишь дружный хор лягушек.

«...» — Юй Чуцю долго вглядывался в ночную тишину и наконец обнаружил: тот умудрился свалиться в канаву в полной темноте.

Через четверть часа «барашек-актив» вернулся. Весь в прудовой тине, он напоминал потерпевшего бедствие речного черта.

Под веселый взгляд Юй Чуцю, обеспокоенный взор Су Цзыяня и раскатистый хохот Су Цзытяня и Су Цзычуань, он позорно бежал в дом. Переодевшись и вооружившись девизом: «Настоящий пассив должен быть живуч, как таракан — и духом, и телом!», Ян Ихай вернулся назад с таким видом, будто ничего не произошло.

Стоило ему сесть, как Су Цзычуань, совершенно не заботясь о его чувствах, снова покатила со смеху. Ян Ихай вспыхнул от досады; ему хотелось выругаться, но повода не было. Скрепя зубами от ярости, он яростно смотрел на эту «лисичку», которая смеялась до слез.

— Может быть... попробуем слагать стихи? — Юй Чуцю сжалился над бедолагой и решил выручить Ян Ихая.

— Пф-ха-ха... Хорошо, — Су Цзычуань с трудом подавила смех и поддержала идею из уважения к учителю. — Какая будет тема?

— Не будем ограничивать себя темой. Сегодня Циси, давайте и мы, подобно городским знаменитостям, предадимся изящным искусствам. Что скажете? — Юй Чуцю был в редком расположении духа, стараясь уделить внимание каждому.

— Отлично! Кто начнет? — Су Цзытянь сложил веер, и он хитро посмотрел на сестру.

Су Цзычуань все поняла без слов:

— Пусть начнет господин. А дальше — кто первый придумает, тот и подхватывает!

Последнюю фразу она бросила Ян Ихая с явным вызовом.

— Только того и жду! — Ян Ихай наконец-то увидел шанс отыграться. Ха!

Су Цзынянь же, по своему обыкновению, хранил молчание, глядя на остальных.

— Что ж, в таком случае я позволю себе начать первым, — Юй Чуцю вежливо поклонился и повернулся к лotosовым зарослям на реке Юшуй. Его персиковые глаза загорелись, и мелодичный голос плавно зазвучал в тишине:

— Лотос душист, зелень вод, холодок ветерка,

Зелень вод, холодок ветерка — долгий день летний.

Долгий день летний, холодок ветерка, зелень вод,

Холодок ветерка, зелень вод, лотос душист.

— Потрясающе! Просто великолепно! Стихотворение-перевертыш... — Су Цзытянь с щелчком закрыл веер, он смотрел с искренним восхищением.

— Обычная безделица, не стоит похвал, — Юй Чуцю улыбнулся, он смотрел кротко и скромно.

Увидев это, Ян Ихай заволновался... А когда он волновался, его старая привычка нести чепуху обострялась до предела.

— Я тоже хочу!

— Прощу, — Юй Чуцю подбадривающе посмотрел на него, приготовившись слушать.

Откуда Ян Ихаяю было знать, как пишут стихи?! Все его познания, почерпнутые во Дворе Вечной Весны, ограничивались сальными шуточками, которые и приличным-то людям не расскажешь. В высокой поэзии он смыслил столько же, сколько свинья в апельсинах!

Но слово — не воробей. Юй Чуцю смотрит, нужно не ударить в грязь лицом! В конце концов, это просто жонглирование словами, что тут трудного?

Щеки Ян Ихая покраснели от натуги, но «слоновой кости» из этого рта так и не появилось. Он лишь мысленно проклинал Чуцю за то, что тот задал слишком высокую планку с самого начала.

— Не умеешь — так и скажи, чего из себя умника строить! — презрительно бросила Су Цзычуань.

Ян Ихай взорвался. Снова она?! Старые обиды смешались с новыми, и в порыве гнева он выпалил:

— Ты — безумна, я — дурак, прыгнем вместе в тот овраг! Меньше мяса, больше хлеба — деньги копи на любовь!

— Ха! И это ты называешь стихами?! Да если это поэзия, то я — великий мудрец! — Су Цзычуань расхохоталась, хлопнула себя по бедру и вскочила, водрузив одну ногу на скамью и гордо вскинув голову. — Уродцев как звезд, а красавцев — облака. Взглянешь на небо — ни облачка, тоска!

Мужчины за столом лишились дара речи.

— Женщина — что верный пес: кто посильнее, тот и увез! — огрызнулся Ян Ихай.

— Мужчина — свинья, женщина — книга. Свинье книг не читать! — Су Цзычуань закатала рукава.

— Убью — не моргну, моргну — и убью! — Ян Ихай вытаращился.

— Всё в кучу свалить, поскорее дожить, чтоб в жизни иной хорошим ребенком прослыть! — победно провозгласила Су Цзычуань.

Ян Ихай тоже вскочил, схватил со стола вино, осушил чашу одним глотком и лихо вытер рот:

— Муж не пьян — бабе нет чаевых. Баба не пьяна — у мужа нет шанса. Если оба трезвы — в гостиницах пусто. Если оба в дрова — ты, собственно, кто?!

— Мяу-мяу-мяу-мяу...

— Гав-гав-гав-гав...

Двое за столом окончательно вошли в раж. Их высказывания становились всё более сомнительными, а о поэзии уже никто и не вспоминал. Спор ушел в дебри, далекие от литературы; каждый лишь хотел победить любой ценой.

Глядя на то, как прекрасный вечер превращается в балаган, Юй Чуцю нервно поморщился и сдавленно прорычал:

— Сказал Учитель: «Лишь с женщинами да мелкими людишками совладать невозможно!»

Су Цзытянь, опасаясь, что сестра проиграет, уже подскочил к Су Цзыяню, пытаясь привлечь его на свою сторону:

— Брат, ну сделай же что-нибудь, вразуми их!

Сам он, будучи парнем хитрым, лезть в пекло не спешил.

Су Цзыянь предпочел промолчать. Его взгляд был прикован к Ян Ихаю, и он мучительно соображал: на чьей он стороне?

— Брат! — Су Цзытянь в нетерпении топнул ногой.

— Красота — дар небес, крутость — дело рук человеческих. Покоримся небу, но и сами не сплосаем, — пробормотал Су Цзыянь.

— Брат!! — Су Цзытянь был на грани срыва, он пришел в ярость.

Услышав гневные нотки в голосе младшего, Су Цзыянь обернулся и с совершенно бесстрастным лицом произнес:

— Шум ветра, шум дождя, шум ссоры — я молчу. Дела семьи, страны и мира — знать я не хочу!

\*\*\*

После той ночи Су Цзытянь, вернувшись в свою комнату, по памяти записал стихотворение Юй Чуцю. Он перечитывал его день за днем, ночь за ночью, и его восхищение быстро переросло в нечто большее.

В последующие дни он невольно ловил каждое слово и жест Юй Чуцю.

Как говорится: «В глазах влюбленного и дурнушка — красавица».

И чем больше Су Цзытянь наблюдал за учителем, тем больше он ему нравился. Манеры — благородные и сдержанные, в общении — терпелив и учтив, душа — чистая, помыслы — добрые. Красив, как Пан Ань, статен, как Сун Юй, мудр, как Цзоу Цзи, а голос... голос прекраснее, чем игра Цзи Кана.

Одним словом: полюбил — и точка!

А Юй Чуцю отличался непробиваемой наивностью. Он и мысли не допускал о том, что творится в голове юного «лисенка». Су Цзытянь пропадавал в его комнате в любое время дня и ночи, засыпая вопросами обо всём на свете. То они обсуждали философию жизни, то пускались в рассуждения о судьбах империи.

Юй Чуцю принимал всё это за искреннюю тягу к знаниям. Следуя заветам Конфуция «обучать и не ведать усталости», он отвечал на каждый вопрос подробно и терпеливо. За такими беседами они часто засиживались до глубокой ночи.

Вот и в этот вечер всё повторилось...

<http://bllate.org/book/17540/1703956>